

Абдурахманова Л.Р.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ДВУПЛАНОВОСТЬ ЭМОТИВНОГО СМЫСЛА В РАССКАЗЕ М.М. Зощенко «Дама с цветами»

Исследованию эмоций как с позиций различных философских и логических теорий, так и с точки зрения фактов, представленных физиологией, психологией, медициной, социологией, посвящено достаточно много работ (Л.С. Выготский, П.М. Якобсон, П.К. Анохин, А.А. Леонтьев).

В психологической литературе встречается ряд терминов (иногда заменяющих друг друга) для обозначения эмоций. Так, например, наблюдается отождествление эмоций и чувств в работах П.М. Якобсона, В.А. Крутецкого, С.Л. Рубинштейна; эмоций, эмоциональных состояний и переживаний в работах А.Н. Лука, В.В. Богословского.

В лингвистике признается, что эмоции вместе с аффектами, переживаниями, чувствами, эмоциональными состояниями образуют личностную сферу, которая является одним из регуляторов поведения человека, источником познания и выражения сложных отношений между людьми. Существующие в настоящее время классификации и дефиниции эмоций значительно отличаются друг от друга, однако до сих пор нет единого подхода к их интерпретации. Одни ученые признают существование фундаментальных (стандартных, основных, базовых) эмоций, под которыми понимается теоретический конструкт, объединяющий эмоции минимального набора, на базе которых формируется все многообразие эмоциональных процессов и состояний, самый маленький список фундаментальных эмоций состоит из трех, а самый большой – из одиннадцати; другие предпочитают видеть в эмоциях лишь функцию перцептивно-когнитивных процессов; эти ученые считают, что человек конструирует эмоции из своего жизненного опыта и эмоция является продуктом эпохи, культуры, социализации и обучения.

Эмоция, как сложное понятие, выражающее модификации внутреннего состояния индивида и его отношение к окружающему, объединяет в себе два рода явлений: *эмоциональные состояния* и *эмоциональные реакции*. И.С. Баженова использует термины «эмоциональное состояние» для обозначения внутренних, скрытых от посторонних глаз ощущений человека, которые он испытывает, переживая ту или иную эмоцию, и «эмоциональные реакции» для обозначения внешнего проявления эмоционального состояния, то есть кратковременные реакции на определенный объект, ситуацию или событие [2, с. 13–14].

Цель предлагаемой работы – выявить специфику выражения эмотивного смысла в рассказе М.М. Зощенко «Дама с цветами». Данный рассказ интересен своей идеей – через эмоциональное состояние героев раскрыть значимость общечеловеческих ценностей.

Семантический анализ эмотивной лексики, извлеченной из рассказа, дает общее представление о богатом наборе эмоций, которые создают психологические портреты персонажей. В рассказе «Дама с цветами» изображена широкая гамма чувств: любовь, радость, горе, страдание, разочарование, отвращение, брезгливость. Эти переживания передаются языковыми средствами, которые позволяют выделить два семантических поля, репрезентирующих полярные отношения: первое – любовь Горбатова к своей супруге, второе – отвращение и равнодушие к человеку, которого он *«любил совершенно неземной любовью»*.

В каждом семантическом поле можно выделить ядерные и периферийные составляющие. В частности, в семантическом поле «любовь» доминирует лексика любви, поэтому ядро формируются вокруг этой единицы: *«о того любил»*, *«замкнулся в свою любовь»*, *«со своею любовью»*, *«любил совершенно неземной любовью»*, *«крупная любовь»*, *«тонкая любовь»*. Периферийными составляющими являются единицы, номинирующие все оттенки чувства Горбатова: *«замкнулся в свою семейную жизнь, в свои нежные переживания»*, *«за локоток придерживает»*, *«воздушные поцелуи посылает»*, *«спешит увидеть свою голубку»*, *«чего-то несет в руках»*, *«дарит, обнимает»*, *«нежные переживания»*, *«убивался и страдал»*, *«валялся на берегу, рыдал»*, *«расстраивался»*.

По ходу развития сюжета чувство любви меняется на чувство полного отвращения и равнодушия. Ядерной составляющей семантического поля становится сема «брезгливость»: *«полная гримаса отвращения и брезгливости»*, *«брезгливость передернула его плечи»*. Когда находят труп жены Горбатова и просят опознать, он переворачивает лицо Нины Петровны носком своего сапога, причем не сапогом, а носком сапога, до того велико отвращение: *«Носком своего сапожка он перевернул лицо утопленницы»*. Здесь полностью раскрывается чувство равнодушия, некогда скрытое под маской любви.

Персонаж говорит своей хозяйке, что хочет найти жену, *«приложиться к ее праху и захоронить ее в приличной могилке и на ту могилку каждую субботу ходить, чтобы с ней духовно общаться и иметь с ней потусторонние разговоры»*, а когда находит, дает рыбакам деньги, *«чтобы они захоронили эту даму на здешнем кладбище»*. И после этого уезжает, навсегда забывая о своей «неземной любви» к супруге: *«А недавно его видели – он шел по улице с какой-то дамочкой. Он вел ее под локоток и что-то такое вкручивал»*.

Описывая жену Горбатова, Нину Петровну, рассказчик пытается настроить читателя на иронично-наигранный тон, поэтому и возникает предубеждение, что она равнодушна к мужу: *«Про нее нельзя сказать, чтобы она чересчур любила и обожала...»*. Рассказчик относится к ней с иронией, называя ее *«дамочкой»*, *«дурой»*, *«милочкой»*, *«голубкой»*.

Таким образом, экстенциональный пласт эмотивного пространства в рассказе составляют языковые единицы, называющие эмоции любви и отвращения («неземная любовь» Горбатова меняется на чувство отвращения).

В тексте функционируют и скрытые, интенциональные, эмотивные смыслы. Это внутренние, запрограммированные автором смыслы, выражающие его эмотивные интенции. Анализ интенциональных смыслов в данном произведении позволяет раскрыть его идейное содержание.

На протяжении всего рассказа используются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, которые в данном тексте выполняют иную функцию – они передают оттенок пренебрежительного отношения рассказчика к реальности: *времечко, локоток, носик, ножки, черненькая, пестренькая, милочка, сапожок, цветочки, дамочка, ручки, могилка*: «... **настриг листочков** и на этих листочках написал крупным шрифтом – мол, нашедшему тело и так далее будет дано крупное вознаграждение в размере тридцати рублей и тому подобное. И эти **записульки** он расклеил по всей деревне и по рыбацкому поселку. Только проходит месяц – безрезультатно. Очень многие ищут кошками, баграми и так далее, но почему-то найти не могут. А он, **голубчик инженер Горбатов**, ходит все время **сторонкой**, ни с кем не здороваются, и только у него и делов, что ожидает – найдут ли его подругу». Трагедия для мужа передается через слова с уменьшительно-ласкательным оттенком, тем самым рассказчик пытается показать трагизм мещанского отношения, абсурдность ситуации.

Как бы ни утверждал Горбатов, что понимает «тонкую любовь», мы видим, что это циничный человек. При его описании доминируют глаголы с отрицательной частицей *не*: «не имел», «не стремился», «не нес», «не занимался», «не попал в ногу с современностью», «не видел», «не могу», характеризующие его как человека инертного, равнодушного.

От него нет пользы обществу, что говорит о его никчемности. Рассказчик несколько раз актуализирует внимание читателя на том, что герой полностью отошел от общества: «избегал общественной жизни» и «замкнулся в свою любовь («нежные переживания»)», «ему нравилась прошлая буржуазная жизнь», «не мог удовлетвориться той грубой действительностью», «оторвался от масс», «свою личность от всего отворачивал», «не попал в ногу с современностью», «был в своем прошлом»: «Действительно верно, он ничего другого от жизни не имел и никуда не стремился. Он общественной нагрузки не нес. Он физкультурой не занимался. Статей не писал. И вообще, надо откровенно сказать, он избегал общественной жизни».

Эмоция цинизма, негативного отношения к персонажу усиливается характеристикой «отсталый элемент». В словаре С.И. Ожегова значение слова *отсталый* интерпретируется следующим образом: 1. Отставший в пути от других. 2. Стоящий на более низком уровне развития сравнительно с другими. В тексте реализуется второе значение. Таким образом рассказчик показывает героя как человека с низким уровнем развития. Более того, рассказчик называет его элементом, то есть даже не человеком, а бездушным, неживым существом.

Важной деталью является определение речи Горбатова через глагол «щебетать»: «И чего-то ей щебечет, воздушные поцелуи посылает». В словаре С.И. Ожегова зафиксировано такое значение этой единицы: «Говорить быстро, говорить без умолку (о детях, о молодых женщинах)». Здесь наблюдается контекстуальная деривация: за счет изменения субъекта (дети, молодые женщины → мужчина) происходит сдвиг в значении лексической единицы, которая характеризует речь персонажа как пустую, лишённую смысла, и это дает основание считать возвышенные чувства Горбатова неестественными. Наш вывод подчеркивается и контекстом: «Он валялся на берегу, рыдал и все такое». Конец фразы «и все такое» придает оттенок наигранности действиям Горбатова, его горе было неискренним, поверхностным. Он хочет найти тело жены затем, чтобы, похоронив, ходить на ее могилу, «духовно с ней общаться и иметь потусторонние разговоры». В словаре С.И. Ожегова находим такое значение прилагательного *потусторонний*: «существующий за пределами земной жизни». Сочетание «потусторонние разговоры» (то есть разговоры, существующие за пределами земной жизни) актуализирует прием утрирования. Абсурдное соединение реального и нереального мира накладывает оттенок на конец рассказа. Несмотря на трагедию, в жизни Горбатова ничего не изменилось: он шел по улице с «какой-то дамочкой и что-то такое вкручивал». Опять в его жизни появилась дамочка, опять он ведет «потусторонние разговоры» с ней, рассказывает свои реакционные мысли, говорит о возвышенных чувствах, а на самом деле остается тем же грубым материалистом, человеком, крайне практическим по своим интересам, заботящийся об узколичных житейских выгодах, удобствах, каким был при жизни Нины Петровны.

Проанализируем эмотивные смыслы, репрезентирующие образ Нины Петровны.

Преданная супруга, Нина Петровна не могла не соглашаться со взглядами мужа и поддерживала его: «И, поскольку она была его супругой, она в тон ему пела, со всем таким соглашалась и чересчур горевала о прежней жизни»; «И поскольку она – супруга и не выдаст его ...». Однако будучи поэтической натурой, она не могла понять грубого материализма мужа, поэтому рассказчик предлагает еще одну версию гибели героини: «А может быть, она и нарочно в воду сунулась. Может, она жила, жила с таким отсталым элементом – и взяла и утонула. Тем более, может быть, он заморочил ей голову своей мистикой».

Необычной представлена и внешность героини. На первый взгляд, «ничего такого в ней не наблюдалось. Так, дама и дама». Но, с другой стороны, рассказчик подчеркивает: «Черненькая такая, пестренькая... и, конечно, одета очень прекрасно». Это симпатичная, яркая женщина, имеющая хороший вкус. Более того, это романтическая натура, о чем свидетельствуют цветы, которые «завсегда в ручках», а также ее поведение: «Вот он уехал, а она села и сидит, что дура, мечтает про разные отвлеченные вещи» или «Это была поэтическая особа, способная целый день нюхать цветки и настурции или сидеть на бережку и глядеть вдаль...».

Утрированное использование возвышенной лексики («грубые объятия», «тонкая любовь», «супруга», «поэтическая особа», «неземная любовь», «прискорбный факт», «художественное описание дальнейших

событий» «лик попорчен временем», «драгоценное времечко») позволяет представить Нину Петровну как яркую, поэтическую натуру. Рассказчик называет ее не просто Ниной, а по имени и отчеству, что было характерно для интеллигенции. Как известно, отношение к интеллигенции в начале XX в. было отрицательным, поскольку считалось, что интеллигентные люди не производят материальных ценностей. Отсюда такое наигранно-ироническое отношение к внешности и чувствам Нины Петровны. Утонченность натуры героини отражается и в ее отношении к подаркам супруга: «Ну, она посмотрит, чего он принес, нахмурит носик и идет на своих тонких ножках». Этим рассказчик как бы стремится показать равнодушие Нины Петровны к мужу, но, приглядевшись к тому, что именно дарит Горбатов, можно прийти к выводу, что это мещанские подарки, чуждые для такой поэтической натуры: «...или там гостинцы, или трусики ей, или какой-нибудь новенький бюстгальтер». Как видим, в сферу эмоциональных смыслов входят и номинации бытового характера.

При описании супруги Горбатова доминирует лексема «дама»: «*дама с цветами*», «*одна дама*», «*так, дама и дама*». В словаре С.И. Ожегова находим такое значение лексемы дама: «1. Женщина из интеллигентских, обычно обеспеченных городских кругов (устар.). 2. Форма вежливого обращения, упоминания (вообще о женщинах; разг.) 3. Женщина, танцующая в паре с кавалером. 4. Игральная карта с изображением женщины». В тексте функционирует первое и второе значения лексемы «дама». Однако контекстуальная реализация позволяет говорить о том, что семы обоих лексико-семантических вариантов синкретизируются. С одной стороны, сочетаются семы из первой семемы «женщина из интеллигентских кругов» и семы «вежливое обращение» из второй семемы.

Как известно, в лексико-семантической системе лексема «дама» соответствует лексема «кавалер». По словарю С.И. Ожегова, «кавалер» – «мужчина, занимающий даму в обществе, на прогулке, ухаживающий за ней». Однако по отношению к Горбатову рассказчик ни разу не употребляет этого субстантива. Отсутствие в тексте эксплицированной дихотомической пары «дама-кавалер» также способствует выражению скрытого эмоционального смысла. Этим подчеркивается мещанство Горбатова, его несоответствие понятию, заложеному в значении существительного «кавалер». Описывая поступки Горбатова, рассказчик как будто высвечивает его благородное отношение к женщине: «*Он ее за локоток придерживает*», «*по спинке хлопает*». Но за этим наигранным благородством стоит грубый материализм Горбатова, поскольку поступает он так чисто из меркантильных соображений. Эта авторская идея реализуется благодаря бытовой лексике, приобретающей в контексте важное эстетическое значение.

В самом начале своего повествования рассказчик предупреждает, что «*этот рассказ насчет того, как однажды через несчастный случай выяснилось, что всякая мистика, идеалистика, разная неземная любовь есть форменная брехня и ерундистика*». Нанизывание существительных на –истика (мистика, идеалистика, ерундистика) создает словесный каламбур. Этот прием уже в начале рассказа производит эффект игривого, шуточного настроения. А фраза «*насчет того*» готовит читателя к восприятию замаскированных фактов. Автор через рассказчика надевает маску, чтобы встать на один уровень с теми, кто проповедует материалистическую любовь, и через случай с Горбатовым и его супругой раскрывает настоящий смысл любовных отношений. Таким образом, авторская концепция определяет иерархию эмотивных смыслов в тексте и определяет доминанту в их многоголосии, тем самым фактически задает общую эмоциональную тональность текста, которая по своему генезису интенциональна, порождена мировидением автора [1.с, 148].

Выводы. В рассказе М.М. Зошенко «Дама с цветами» функционируют два лексических пласта эмотивного смысла: экстенциональный и интенциональный. Экстенциональный пласт репрезентирует полярные эмоции: любовь – нелюбовь персонажей. Интенциональный пласт несет более мощный эмоциональный заряд, актуализируя эмоции цинизма, негативного отношения к мещанству и выводя их на уровень художественного обобщения.

Источники и литература

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник. Практикум. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 496 с.
2. Баженова И.А. Обозначения эмоций в художественном тексте (прагматический аспект): 10.02.19 – теория языка / Московский орден Дружбы народов госуд. ун-т. – Автореф. ...дис. доктора филол. н. – М., 2004. – 48 с.
3. Выготский Л.С. Психология. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 1008 с.
4. Крутецкий В.А. Психология: Учебник для учащ. пед. училищ. – М.: Просвещение, 1986. – 336 с.
5. Петрова Л.А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира: Монография. – Симферополь: ОАО «СГТ», 2006. – 284 с.
6. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб: Питер, 2004. – 713 с.